

ОСВОБОЖДЕНИЕ

Магнус
Керваллен

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Magnus Kervalen
Освобождение

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Magnus Kervalen

Освобождение / Magnus Kervalen — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Дзиндар — маленькое феодальное государство, предмет территориальных притязаний двух сверхдержав из-за своего расположения и природных богатств. Дзиндар хочет скинуть цепи, устав от многовековой зависимости и чужих правил. Но куда приведет ее этот путь? Вард — потомственный дзиндарский правитель и одновременно ставленник захватчиков, воспитанный в их системе и беззаветно преданный их лидеру. Какой путь он выберет для себя? Содержит нецензурную брань.

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Глава первая | 5 |
| Глава вторая | 8 |
| Глава третья | 13 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 17 |

Глава первая

Вард выпрямился и оправил одежду. После полумрака летателя дневной свет ослеплял даже сквозь темные очки. Вард почти ничего не видел. Он изобразил широкую улыбку и протянул руки – знал, что там, за красными и фиолетовыми пятнами, плывущими перед глазами, его уже встречают.

– Добруг Аджасов! – чьи-то руки пожали предплечья Варда. Пятна рассеивались, и Вард наконец увидел румяное, полноватое лицо директора зинитного завода.

– Добруг Глинковский, – Вард улыбнулся еще шире, чтобы никто не заподозрил, будто он недостаточно рад встрече. – Замечательный день сегодня.

– Замечательный! Еще один замечательный и плодотворный трудовой день на нашем заводе!

«Плодотворный, – подумал Вард. – Наверняка весь день только и делали, что готовились к моему приезду». Директор взял его под руку и повел внутрь, мимо рядов солдат-добровольцев, по широкой горячей лестнице, жгущей Варду ступни сквозь тонкую подошву сандалий. Все делали вид, что не замечают его телохранителей, которых стало вдвое больше с прошлой декады. Пройдя под громоздким барельефом, изображающим счастливый совместный труд добровольцев и зинтаков, они вошли в гул, звон и грохот. Вард поднял очки. Искусственный свет успокаивал, но здесь было жарче, чем снаружи.

По обеим сторонам прохода выстроились инженеры и начальники цехов, как будто продолжение солдатских шеренг. Вард двинулся по проходу, пожимая предплечья каждому. «Какой ты нарядный, – говорил он им – криком, чтобы его услышали в шуме завода. – Чудесно выглядишь. Ты, кажется, поправилась с нашей прошлой встречи? Тебе к лицу этот цвет. Счастлив увидеться с тобой снова...» Когда Вард закончил, он все еще ощущал пожатия на своих локтях. Хотелось потереть. С уже не сходящей с лица улыбкой он остановился напротив руководителя научного отдела.

– Добруга Тчемэль! Ты как всегда элегантна! – крикнул он, наклоняясь к ней и энергично тряся ее руки.

Губы руководителя научного отдела растянулись в улыбке – на совершенно каменном лице.

– Добруг Аджасов, – произнесли темно-сливовые губы. Вард ждал ответной похвалы, но ее не последовало.

Директор опять подхватил Варда под руку. Повел дальше, быстрее, чем следовало – наверное, хотел оттащить подальше от Тчемэли. Широкими жестами он показывал на станки и печи, преобразователи и усилители, рассказывая Варду о том, как они здесь все вместе, дружно, с поддержкой и взаимовыручкой, создают листы зинита, жизненно необходимые для того, чтобы Великая армия ДОСЛ и впредь оставалась великой и непобедимой. Вард кивал и приговаривал: «Хорошо, замечательно, отлично, вот как? – молодцы, замечательно...» Ему живо представилось, как директор дает распоряжение заводскому Хранителю счастья: «Замвершина приезжает с проверкой, напиши мне к третьедню про работу завода, да попроще, попроще, как для ребенка, чтоб у этого зинтака головушка не разболелась». Вард улыбался работникам, протягивал руки мастерам, стараясь придать своему лицу одобрительное выражение. «Я горжусь вами, – должен был говорить его лучистый взгляд. – Я доволен вами. Ваш труд неимоверно важен. Не только Зинта, но и вся необъятная Родина благодарна вам, добрузья». Во всяком случае, Вард надеялся, что внушает работникам завода именно такие мысли. Кто знает, что они там думают на самом деле. Может, вообще ждут не дождутся, когда начальство уберется отсюда и перестанет совать нос в их работу – все равно же ни на ноготь в этом не смыслит. Скорее всего, так и думают. Скорее всего.

Вард до сих пор не отошел от ледяного приветствия Тчемэли. Вспоминал ее почти черные губы и чувствовал, как по горлу пробирается тоска. Тчемэль его сразу невзлюбила. А хуже того, даже не трудилась притворяться, что любит. Тчемэль странная. Конечно, все направи-тели странные, но Тчемэль особенно – а ведь она еще молода, чтобы Поток начал разрушать ее физически и морально. Вард слышал, что она оказалась в Зинте не по собственной воле. Разумеется, в ее заявлении сказано «добровольно» – как же иначе, если живешь в стране добровольцев; но до Варда доходили слухи, что для Тчемэль это наказание и ссылка. Как и для всех, кого отправляют сюда, на самый край мира. Ссылка. Побег. Или и то, и другое вместе.

«Какая у вас чистота и порядок! – повторял Вард как заведенный. – Как сияют ваши лица! Какие вы нарядные и счастливые!» Он сомневался, что работники из «местных» понимают по-добровольски, поэтому улыбался губами и глазами, обращался к ним с лаской в голосе, заглядывал в лица. Даже если бы Вард умел говорить на родном языке, то постыдился бы заговаривать на дзинчогох при добровольцах. Они и так, подозревал Вард, еле терпят, что им приходится выслуживаться перед зинтаком.

– А вот наша новая стажерка, первая женщина-зинтачка на нашем заводе! – торжественно объявил директор.

Девушка из местных пошла работать на завод – большое дело, необыкновенное дело, хотя прошло уже пять лет с тех пор, как добровольцы начали агитировать женщин Зинты участвовать в дружной рабочей жизни ДОСЛ. Она стояла среди работниц, густо краснея под заско-рузлой, загорелой кожей – тем кирпично-красным румянцем, какой бывает у зинтаков, много работающих на земле. Ее со смешками выпихнули вперед. Оробев перед Вардом, она быстро склонилась, приложила руки к пальцам его ног, поприветствовала его на дзинчогох:

– Цхибитэ, адаласы мчэр.

Вард отшатнулся. Он оглянулся на директора, на инженеров и начальников цехов, на телохранителей – на всех этих добровольцев, смотревших так, будто стали свидетелями какого-то уродливого дикарского обряда.

Директор справился со своим лицом раньше остальных.

– Что она говорит, добруг Замвершина? – поинтересовался он благожелательно.

– Говорит, счастлива познакомиться, – не моргнув и глазом соврал Вард. Он обернулся к зинтачке и взял ее за предплечья, не давая отдернуть руки.

– Ты храбрая и сознательная будущая мать, добруга, – сказал он по-добровольски, громко, чтобы его слышали все. – Я горд, что ты моя соотечественница.

Он заставил ее повернуться к новостнику из «Новой Зинты». Гул заработавшего впечатлителя потонул в грохоте и звоне, но Вард почувствовал легкое веяние Потока.

– Прекрасное впечатление для наших читателей! – крикнул новостник. – Еще разок, добруг Аджасов!

Он снова нажал на рычажок – у Варда от улыбки начинало сводить мышцы лица – мягкое сияние усилителя, на которое отзывались усилители в заводских машинах, Поток обдал Варда и девушку-работницу... и вдруг новая волна сбила их с ног.

Варда отбросило через центральный проход к какой-то стучащей, визжащей, стремительно разогревающейся машине – она обожгла его голое плечо. От боли Вард вскочил на ноги – и опять упал, рухнул на колени и ладони, разбивая их в кровь. Вард пополз на четвереньках, под скрежетом и пронзительным свистом станков, которые все еще вибрировали от удара. На глаза потекла размытая потом пудра. Вард протер глаза тыльной стороной руки – на руке осталась не пудра, кровь. Где-то рядом нарастал рокот. Рокот захватывал все больше пространства, катился вперед, отдавался странными, почти человеческими, звуками в машинах – и Вард наконец понял, что это: взрываются заводские усилители.

Вместе с рокотом нарастал вопль. Вард заставил себя встать, побежал, не обращая внимания на текущую по лицу кровь. По полу, по блестящим бокам станков металась фиолетовые

отсветы. Вард чувствовал позади Поток, ударяющий ему в спину – с каждым разом всё сильнее. От взрывов он почти оглох. Ослепительно-фиолетовое сияние всё разрасталось. Варда оторвало от пола. Неимоверная сила сдавила его грудную клетку так, что Варду показалось, его ломают пополам. Он не смог сделать вдох. Одна за другой разрывались изнутри заводские машины. Вард летел мимо них медленно, медленно, медленно, сквозь искореженный металл, почерневшие осколки усилителей, обломки горной породы и еще что-то обугленное, изуродованное, черно-багровое, кричащее... Вард влетел в стену.

Сознание расцветилось вспышками. Реальность стала пунктиром, то появляясь непереносимо ярко, то полностью сменяясь чернотой. Боль в его изломанном теле превратилась в эйфорию. Вард лежал растворяясь в чистом счастье – на выложенной зеленовато-черным камнем площадке перед отцовским дворцом. Сквозь подрагивающую перед глазами пелену он видел, как суетятся слуги отца, телохранители, члены делегации из столицы; добровольские солдаты повалили и удерживают бомбиста-одиночку... Над Вардом склоняется Вершина. Его рука поверх развороченного Потокком плеча Варда, в серо-стальных глазах – недоумение и жалость. «Зачем же ты это сделал, Вардэк?» Вард ощущает, как от ладони Вершины исходит тепло и бежит по венам, вытесняя боль.

Вард вынырнул в реальность. Стояла пугающая тишина. Нет, не тишина, но после грохота и шипения машин Варду показалось, что он ничего не слышит. На лицо сыпалась каменная крошка. Вард обнаружил, что лежит в проломе там, где здание завода врезалось в гору – видимо, взрыв пробил камень еще глубже. Вард с трудом перевернулся, оперся на руки. Пополз задом. Что-то подвернулось под его локоть – Вард нащупал нечто прямоугольное, гладкое, холодное, как будто футляр для накопителя. Сделав последнее усилие, Вард вывалился из пролома на подрагивающий пол. Встал, побрел по проходу, перелезая через обломки механизмов. Боли он больше не чувствовал. Вообще ничего не чувствовал, только отчего-то очень хотелось пить. Завод стонал, как живое существо. В проходах, на машинах, под ними, вжатые в металл, лежали люди – то, что от них осталось. Вард поскользнулся в крови. Его хватали за ноги, на него наталкивались. В блестящей вязкой луже лилового, малинового, бирюзового шевелился бесформенный обрубок. Вард узнал мастера, которому недавно пожимал руки – только теперь рук не было, но из дыры на бугрящемся, сочащемся кровью лице доносился хрип. Вард отшатнулся.

Подбежал один из телохранителей, потом второй; подхватили Варда под руки, потащили прочь. Дневной свет ударил по глазам. Вард почувствовал, что на нем больше нет парика, и туника висит на одном плече. Его уложили на сиденье летателя; двое телохранителей сели напротив и приложили руки к его лбу и груди, одновременно дотронувшись до своих значков-усилителей. С тихим шорохом закрылась дверь.

Вард осознал, что прижимает к себе футляр из пролома. Телохранители сидели с закрытыми глазами, сосредоточившись на Потокке, и Вард осторожно приоткрыл футляр – нет, не футляр, а нечто вроде шкатулки – Вард видел такие на поясах древних зинтакских стариков. Только эта была изготовлена не из дерева, а из зинита. Вард откинул крышку. Внутри лежало украшение на зинитной же цепочке. Вард вытянул его из шкатулки, и оно закачалось перед ним: гладко отполированная пирамидка из фиолетового, с проблесками, камня, заключенная в зинитный... Вард бросил кулон обратно в шкатулку и захлопнул крышку. Небывалая форма, обхватывающая фиолетовую пирамидку, пульсировала перед глазами. У нее не было ни начала, ни конца, ни углов, ни граней; она длилась и длилась бесконечно, и невозможно было понять, где начинается одна ее сторона и кончается другая. У нее вообще не было сторон. Вард подавился тошнотой. Он перегнулся через край сиденья, и его вывернуло прямо на пол.

Глава вторая

С первого этажа Дома Культуры и Отдыха доносилась прилипчивая танцевальная песенка. Вошла Неверика, отворив дверь носком атласной туфельки, и музыка на несколько секунд стала громче, пока Неверика не захлопнула дверь снова. С подносом в руках она направилась в кушетку. На фигуре Неверики – невысокой, гармонично сложенной – заиграл мягкий свет исхода дня.

Вард сел, заулыбался, чтобы Неверика не волновалась.

– Попей чаю, – Неверика поставила поднос на столик, опустилась в кресло, изящным движением расправив подол своего ярко-лимонного платья. На подносе – маленький пузатый зинтакский чайник и две крохотные чашки, вазочки с орешками и традиционными зинтакскими сладостями.

Глядя, как Неверика сосредоточенно разливает чай, чуть нахмутив густые, красивой формы брови, выкрашенные в иссиня-черный в цвет парика, Вард сказал:

– Ты бы произвела впечатление на нашу мать.

Неверика взблеснула глазами.

– Одна из девочек научила меня, как правильно. Гляди, – Неверика поднялась, колыхнув подолом, взяла с подноса одну из чашек и подала ее Варду с почтительным и в то же время грациозным поклоном. Всё, что бы она ни делала, было грациозно.

– Келичтэ, адаласы мчэр, – произнесла она со смешным добровольским акцентом.

– Сестры не называют братьев «адаласы», – рассмеялся Вард. – «Адаласы» ведь значит «отец».

Улыбка вдруг сошла с его лица. Неверика заметила это прежде, чем Вард успел вернуть своему лицу умиротворенное выражение. Вздохнув, она сняла высокий тяжелый парик, отложила его в соседнее кресло и присела с чашкой чая в ногах Варда.

– Что, Вэри?

Вард отодвинул ноги, освобождая место для Неверики.

– Там была девушка... Там, на заводе... Девушка-зинтачка. Она поприветствовала меня по-зинтакски. Сказала: «Примите мою покорность, отец правитель». И... ну, знаешь, коснулась моих ног. На глазах у Глинковского и всех добровольцев, – Вард посмотрел в чай. На темной поверхности плескалось отражение треугольных ламп из разноцветного стекла.

– Ты же не виноват, – быстро сказала Неверика. – Ты не заставлял ее кланяться и называть тебя мчэром, правильно? Никто не станет придавать этому значения. К тому же, из советников с тобой был только Кечетлек, а он уже, – Неверика сделала маленький глоток из чашки, – никому не сможет донести, – закончила она безупречным светским тоном, как будто говорила о новых веяниях в моде.

– Нэвэри! – воскликнул Вард шепотом.

Он отставил чашку на подоконник, так и не притронувшись к чаю. Из широкого окна – узорчатая решетка распахнута – открывался вид на нарядную западную стену дворца, украшенную гигантской мозаикой с аллегорическими фигурами могучей женщины-доброволки и юноши-зинтака в национальной одежде, с мотыгой на плече. Они стояли на Зинитных горах, по которым шли большие желтые буквы с излюбленным лозунгом добровольцев: «Вместе веселее!» Дворец теперь называли Пирамидой, по аналогии со столичной Пирамидой, где заседал Вершина со своими советниками. Его статуя, держащая в ладонях, у груди, пирамиду, как символ заботы обо всем ДОСЛ, возвышалась и над зданием ДКО, и над дворцом – самая высокая рукотворная точка Зинты. Обычно из этого окна Вард мог видеть только ногу статуи, упирающуюся в каменную глыбу постамента; но сейчас и ее не видать за солдатами, заполонившими площадь.

– Они, наверное, уже почувствовали смерть Кечетлека, – сказал Вард. Он произнес «они» так, что у Неверики не возникло сомнений, о ком он говорит.

– Кого бы ни прислали ему на замену, хуже Кечетлека уже не будет, – Неверика надкусила чернослив передними зубами, чуть выдающимися вперед – этот недостаток, однако, ничуть ее не портил, а наоборот, придавал шарма.

Вард сел к окну спиной. Его не покидало опасение, что за ними могут наблюдать. Говорят, у направителей есть люди, умеющие читать по губам.

– Кечетлек не был хорошим человеком, – наконец осмелился сказать он, понизив голос, – но он был сильным направителем. Что теперь будет, Неверика? Что, если следующей целью станет дворец? Или ДКО? Такой взрыв не устроить лишенцам. Его должен был направить кто-то умеющий совладать с Потоксом. И так близко к зиниту! Не каждый направитель способен преодолеть блокирующий зинитный фон.

– Считаешь, среди повстанцев есть направители? – у Неверики загорелись глаза. – Наконец-то появились зинтаки, чувствительные к Потоксу? А что, такое уже было, ты мне сам рассказывал!

– Это было в седой древности, и это был всего один – один, Нэвэри! – зинтак, – возразил Вард. – Те, что запустили взрыв на заводе, не зинтаки.

Вард и Неверика посмотрели друг на друга. Никто из них не произнес ни слова, но оба поняли, что это значит – для Зинты, для них самих.

– Вершина уже давно говорит о войне с Державой, – упавшим голосом сказал Вард.

– Ты донесешь о своих подозрениях?

– Я обязан доносить о любых подозрениях.

Надолго воцарилась тишина.

– Тебе не придется справляться с державцами в одиночку, – нарушила молчание Неверика. – Столица пришлет нам помощь. Больше солдат, может, больше направителей... – она хотела утешить, но сразу же осознала, что сделала еще хуже.

– Я боюсь, Нэвэри, – прошептал Вард. – Я как будто в осаде. Я зинтак для добровольцев – и пермэри, чужак, для зинтаксов. Я чувствую себя самозванцем. Как будто занял чужое место, захватил то, что было предназначено не для меня, и теперь вынужден каждый день, каждую минуту притворяться кем-то другим. И что в конце концов моя ложь откроется... Я знаю, не мое дело сомневаться в решениях Вершины. Но я не понимаю, почему он отдал в мое распоряжение целую страну. Я же до последнего... Я до последнего не подозревал, что он для меня готовит. И мне сейчас кажется... – Вард оборвал свою мысль. – У меня опять это случилось. Утром на заводе. Воспоминание о том покушении.

Неверика привлекла его к себе.

– Ты бы все-таки поговорил с нашей Восстановительницей Счастья. Совершенно обязательно рассказывать ей *всё*.

Вард покачал головой.

– Это просто воспоминание. Такого уже давно не было, – он потрогал кончиком пальца желто-фиолетовый аметрин в ожерелье Неверики. – Я кое-что нашел в горе на заводе. Кулон. Станный...

– Что может быть странного в кулоне? – Неверика отстранила Варда за плечи и с беспокойством взгляделась в его лицо. – Скажи мне, что ты не снял его с мертвеца, – сказала она с абсолютно серьезной миной, но как только губы Варда тронула улыбка, Неверика не выдержала и прыснула сама.

– Нехорошо шутить над этим, – поспешно сказал Вард. – Ты не видела... Эти люди, эти бедные, ни в чем не повинные люди умирали так... страшно, Нэвэри. Они так кричали... Я до сих пор слышу... Им было нечем кричать, но они все равно кричали...

Неверика чуть встряхнула его за плечи.

– Кулон. Мы говорили о кулоне, помнишь? Живо показывай! Ты же знаешь, я человек искусства, мне положено сходить с ума по украшениям.

Усилием воли Вард отогнал от себя воспоминания о взрыве. Он протянул Неверике шкатулку и, сделав глубокий вдох, открыл крышку. Неверика ахнула.

– Как красиво, – прошептала она.

– Красиво? Тебе не кажется, что это... странно? – на этот раз Варду не пришлось бороться с тошнотой, но ему по-прежнему было неприятно, почти до боли, смотреть на форму, обхватывающую искристо-фиолетовую пирамидку.

Неверика вытащила кулон из шкатулки и положила себе на ладонь, чтобы рассмотреть получше.

– Это как... глаз, – пробормотала она, проводя пальцем по зинитной оправе. – Как зрачок. Или как сердцевина цветка... Или яичный желток. Но только... край, или края... без середины, – она подняла кулон за цепочку. Пирамидка закачалась, вспыхивая мириадами искорок. – Это же ндар, верно? Ваш зинтакский камень?

Вард положил подбородок Неверике на плечо.

– Ты когда-нибудь видела, чтобы люди создавали нечто подобное? Ведь зинит, – он коснулся зинитной оправы, – не мог принять такую форму сам по себе. Эту форму придал ему тот, кто изготовил этот кулон. Кем бы он ни был...

– О, конечно же, он был зинтаком, – убежденно заявила Неверика. – Имя этого камня в самом имени вашей страны, так? И я до сих пор вижу на улицах женщин с серьгами и браслетами из ндара. Наверняка это какой-то зинтакский... амулет или что-то в подобном роде, – Неверика накинула цепочку на шею Варду. – Тебе идет.

Первым порывом Варда было скинуть ее с себя, но как только он коснулся кулона, желание исчезло. Он сжал в руке прохладный камень. На мгновение ему показалось, что пирамидка едва заметно пульсирует в ладони – Вард отдернул руку.

– Если бы я была зинтачкой, я бы сказала, что это добрая примета – найти старинный зинтакский амулет в Зинитных горах. Значит, Зинта принимает тебя за своего, – проговорила Неверика с комичной торжественностью.

– Если бы я не знал тебя, добруга Культсоветница, я бы сказал, что твое увлечение местной культурой непозволительно для добровольки и заведующей ДКО.

Неверика смерила его насмешливым взглядом.

– Ах, умоляю, добруг Замвершина, не доноси на меня Хранителям Счастья! – заломила она руки.

Ее блестящие черные глаза смеялись, но Вард почувствовал, что Неверика сердится.

– Я вовсе не хотел обидеть, – сказал он примирительно, – но задача представителей ДОСЛ – нести передовые добровольские идеи народам, недавно примкнувшим к Объединению, а не погрязать в туземных традициях, давно отживших свое. Нэвэри, – Вард нерешительно прикоснулся к ее руке, – я просто за тебя волнуюсь.

– Что, думаешь, Ксамоктлан самолично примчится в Зинту, чтобы наказать меня за неподобающий интерес к культуре покоренного народа? – наморщила Неверика свой длинный тонкий нос. – Брось, Вэри. У Ксама и без меня есть кого хватать и допрашивать. Не веришь же ты, что все это время он сидел без дела и томился от неразделенной любви?

– Не хочу, чтобы он опять тебе навредил, – тихо сказал Вард.

Неверика встала, одарив его ослепительной улыбкой.

– С такими всемогущими покровителями в высших кругах – мне ничто не грозит, – она склонилась над Вардом, взяла в ладони его лицо. – Скажи-ка, представитель ДОСЛ, образец для подражания всех зинтакских добровольцев, – когда ты прекратишь отказываться от моих работниц и работников? Я говорю совершенно серьезно, Вэри. Воздержание опасно для здоровья, как физического, так и душевного. И сколько мне еще врать в отчетах для столицы?

Вард еще не успел придумать оправдание, как Неверика уже его отпустила.

– Что же мне с тобой делать?.. – покачала она головой. – Отдыхай, Вэри. Попей чаю... Скоро пришло тебе ужин. Полагаю, сегодня ты с полным правом можешь поесть в нездоровом одиночестве, – она чмокнула его в лоб, стерла большим пальцем след от помады и вышла, качнув подолом своего платья-трапеции. В комнате остался пряный запах ее духов.

Вард откинулся на мягкое изголовье кушетки. Прошло время, прежде чем он осознал, что все еще изображает улыбку, которую натянул на себя ради Неверики. Вард с силой провел ладонями по лицу. Неверика о нем беспокоится. Он не хотел, чтобы она беспокоилась. Не стоило рассказывать о приступе, что случился с ним сегодня во время взрыва – воспоминаниях о том, другом взрыве, изменившем всё. Неверика – единственный человек, с которым Вард мог говорить откровенно... и все же нет, с ней тем более нельзя говорить откровенно. Ради нее самой, ради ее собственного душевного покоя. Пусть Неверика думает, что с ним все в порядке.

Вард вспомнил, как впервые увидел Неверика на сцене столичного Дворца Доброй Воли. Это была опера, закрытое представление для направителей из высшего эшелона власти и избранных лишенцев. Вард никогда раньше не слышал оперы. Он сидел в полумраке ложи рядом с Вершиной – тот держал руку на бархатном бортике совсем рядом с рукой Варда. Подвываясь к нему, Вершина шепотом объяснял, почему песни со словами – удел малообразованных масс, а здесь, в опере, знатоки наслаждаются красотой самого голоса; указывал на кого-то в зале и называл имена – знаменитостей и вершителей судеб. С лица Варда не сходила почтительная полуулыбка. Он сидел прямо, не опираясь на спинку кресла, жесткий воротничок формы телохранителя резал подбородок, Вард сдерживал дыхание, но все равно ему казалось, что он дышит слишком громко. Вард не осмеливался обернуться к Вершине. Он был уверен, стоит ему посмотреть на Вершину – и взгляд выдаст его с головой; поэтому он не отрываясь, широко раскрытыми глазами смотрел на сцену, где в столбе искусственного света блистала Неверика Яхонтова, дочь председателя Добровольного Объединения Писателей и любимица правителей ДОСЛ. Вершина сказал: «Она твоя сестра». Ее голос взмывал и переливался под расписным потолком Дворца Доброй Воли, как будто повторял помпезную лепнину и прихотливые узоры отделки, и всё это: гроздь причудливых плодов и цветов на колоннах, аллегорические фигуры на потолке, лампы из цветного стекла, пестрота нарядов публики и драгоценности в их париках, ароматы духов и дыхание Вершины на щеке Варда – звучало голосом Неверики.

После представления Вершина повел Варда за кулисы.

– Вардос, мой телохранитель, – Вершина подтолкнул Варда к Неверике. – Он тоже сын твоей очаровательной матери.

– Счастлива познакомиться, – сказала Неверика неожиданно глубоким грудным голосом, совсем отличным от того неземного, что вилял под потолком концертного зала. Неверика улыбнулась Варду безупречной приветливой улыбкой, и вся она была безупречна – от высокого иссиня-черного парика, сверкающего лаком, до глянцево-синих, маленьких, как у куклы, туфель. А Вард из последних сил делал вид, что с ним *все в порядке*.

Кажется, Неверика пыталась его предупредить о намерениях Вершины. Вард помнил смутно: тот вечер вошел в его память вспышками искусственных огней, сумраком ложи, запахом духов, чередой знаменитых лиц и знаменитых имен, пением Неверики, ликующим, отчаянно-печальным в этом ликовании – и ладонью Вершины на руке Варда, взглядом его пронизывающих глаз, его голосом.

После, уже здесь, в Зинте, Неверика призналась как-то раз, отчего не побоялась тогда говорить откровенно – говорить против самого Вершины. «Ты показался мне таким юным, – сказала она, посмеиваясь над самой собой, – таким... безобидным, и... чистым, и беззащитным, что я... Мне стало жаль тебя. Я подумала, что просто *обязана* тебя предостеречь». Странно. Вершина тоже его жалел – не говорил вслух, но в его взгляде сквозила эта досадли-

вая жалость, от которой Вард чувствовал себя униженным, каким-то ущербным, недостойным внимания этого великого человека. Прощаясь с ним, Вершина сказал: «Тебе будет лучше дома, Вардэк. Боюсь, ты не выдержишь того, что произойдет в столице», – и опять в его взгляде, в его ласковом голосе сквозила эта жалость, как будто у Варда не доставало чего-то важного – того, чем обладал сам Вершина и, конечно же, Ксамоктлан.

Это было после взрыва у отцовского дворца. Бомбист покушался на жизнь Вершины, но взрывом убило отца Варда. Вершина сказал, бомбист неверно направил Поток. Вард навсегда запомнил его лицо – совсем молодой парень, солдаты-добровольцы оттащили его со ступеней, и больше Вард его не видел. Вершина сказал, бомбист покончил с собой раньше, чем его успели допросить.

Вард лежал в отцовской комнате в недавно перестроенном Дворце Культуры и Отдыха – раньше то был павильон для любимых наложниц. Вершина сидел у его постели, и Варду нравилось лежать так, окруженным всеобщей заботой, хотя он уже полностью восстановился после взрыва. Вард подозревал, что ради него Вершина захватил слишком много Потока: тело Варда излечилось сразу же, прямо там, на ступенях дворца, а Вершина теперь избегал использовать Поток даже для того, чтобы включить новости на ретрансляторе. Варду нравилось вспоминать об этом. Он так боялся возвращаться в родную Зинту – возвращаться к отцу; Вард даже предположить не мог, что именно эти дни он будет вспоминать чаще всего. Отец встретил его с распростертыми объятиями. Он так переменялся. Он гордился сыном – так непривычно было чувствовать, что оправдал отцовские надежды. Варду было стыдно за свои мысли, но частенько он думал: как же славно, что отец стал случайной жертвой того покушения – умер гордым отцом телохранителя самого Вершины, прежде чем начал задумываться, для чего направителю телохранитель-лишенец. И если б Вершина не притянул тогда к раненому Варду столько Потока, если б не успел восстановить его тело прежде, чем Вард истек бы кровью, Вард и сам бы умер гордым телохранителем самого Вершины – и никогда не узнал бы о перевороте в столице. О резне в Пирамиде, когда Ксамоктлан с другими заговорщиками перебил четверых из Пятерых, их помощников и всех направителей, кто отказался признать Вершину единовластным главой ДОСЛ, об арестах, казнях и ссылках, что последовали за возвращением Вершины в столицу, и о новых покушениях на Вершину, за которыми каждый раз поднималась волна новых арестов и казней. Вспоминая тот вечер во Дворце Доброй Воли, Вард не мог не думать, что добрая часть тех, на кого Вершина указывал ему тогда, ослеплена или брошена в разлом, а другая сгинула в «добровольных общежитиях» на окраинах ДОСЛ. Вершина как всегда был прав, когда говорил, что Варду не место в столице. Назначение Варда на пост Замвершины в Зинте – не опала, а спасение. В этом Вард не сомневался. В конце концов, Вершина всегда желал ему только добра. И теперь, в эти беспокойные для Зинты времена, задача Варда – оправдать его доверие.

Вард неосознанно сжал кулон, который так и не снял. «Будь смелым, будь сильным, – вспомнился ему совет, услышанный давным-давно. – Но самое главное, будь добрым. Это труднее всего, и у тебя это есть. Не позволяй никому это отнять».

Глава третья

Летатель с тихим гулом опустился на площадь перед Пирамидой. Вард пробежал пальцами по высокому жесткому воротничку, застежкам, металлическому ромбообразному оплечью, которое уже успело нагреться и жарило кожу сквозь синтетическую ткань накидки. Вард сжал правую руку левой и выпрямился резким заученным движением – так, как их учили в Школе Молодых Защитников: чуть приподнять подбородок, взгляд перед собой, вообразить, будто сквозь грудную клетку продет крюк и тянет вперед и вверх. Дверь летателя сдвинулась. Вард широко улыбнулся. Он попытался представить, каким увидит его новый направитель: Замвершину в пылающем оплечье, в коротком парадном парике, открывающем шею и уши, с массивным украшением на затылке в форме треугольника; разумеется, в желтом и фиолетовом – цветах флага ДОСЛ. По обе стороны от Варда выстроились его советники; он чувствовал успокаивающий взгляд Неверики, видел краем глаза великанскую фигуру Военсоветника. На площади в несколько рядов стояли солдаты-добровольцы. Это придавало Варду сил: он словно переставал быть собой, бессильным и незначительным, а становился – одним из Десяти, представителем ДОСЛ, властью, за которой стояли страны и народы, направители и лишенцы, заводы и пашни, бесчисленные счастливые города и Город Счастья Номер Один – Ицэль, красивица-столица, из которой Вершина Тлеканхокацль направляет Поток на благо всей добровольской земли.

Вард шагнул на ступеньку ниже, протягивая руки навстречу новому направителю.

– Прекрасный день! – приветствовал он со всем радушием, на которое был способен.

– Прекрасный день в нашей прекрасной стране, – ответили ему.

Из летателя выступила девочка – конечно, она была старше, но первым впечатлением Варда было: девочка – в строгой, на военный манер, короткой тунике, с голыми пухлыми коленками, в зинитном шлеме вместо парика. От значка-усилителя у нее на груди широко расходились золотые лучи – Высший Орден Пирамиды. Она крепко пожала предплечья Варда и сказала, глядя ему в глаза, хотя для этого ей пришлось задрать голову:

– Иста ввел меня в курс дела, – девочка назвала Вершину на тайном языке направителей, как будто бравировала тем, что на короткой ноге с властью. – Беспорядки с туземцами? Типичная проблема для недавно одоброленной страны. Зинте требуется железная рука. Поэтому я здесь.

Вард не прекращал улыбаться.

– И добровольская Зинта тебе благодарна, – выдавил он из себя. – Мы все о тебе наслышаны, добруга Кату-Ату.

Еще бы ему не знать, кто она такая. Пару декад назад о Кату-Ату не замолкали в новостях, ее впечатления то и дело появлялись на первых страницах газет, а ее лицо, упрямое и решительное, – лицо нового поколения добровольцев, как писали в газетах, – хмурилось с плакатов, призывающих молодежь вступать в ряды Тлекьюношества. Девочка из захолустья, из простой малообразованной семьи, рано ощутившая Поток и взятая под крыло самим Вершиной в первые годы его безраздельного владычества – она стала одной из первого поколения направителей, воспитанных по «новому методу». Лишенцы смутно представляли, что это за метод и чем он отличается от старого, но свершения Кату-Ату говорили сами за себя: в шестнадцать лет она возглавила добровольские войска, отправленные восстанавливать порядок в бунтующей Тулгуе, и меньше чем за два месяца наголову разгромила сопротивление, за что и получила свой орден. И если уж шестнадцатилетние девчонки теперь покоряют целые страны и удостоиваются высшей добровольской награды, у кого останутся сомнения в новом методе Вершины?

Вард с тревогой покосился на Военсоветника. Олэйсу Бурганов записался в Великую армию ДОСЛ прямо из Распределителя Счастья, но все-таки он был тулгуй, а даже до Зинты доходили страшные слухи о том, *как* умирjala Кату-Ату непокорную Тулгую.

– Посмотришь город или сначала показать тебе нашу Пирамиду? – спросил Вард как можно более беспечно тоном.

– Сначала банкет, – сказала Кату-Ату. – Есть хочу, – едва только Вард мысленно похвалил себя, что заранее распорядился накрыть стол в Торжественном Зале ДКО, как Кату-Ату продолжила, направляясь вниз по ступеням: – А потом посмотрю подарки.

Неверика прикоснулась к руке Варда, останавливая поднявшуюся в нем панику.

– Я обо всем позабочусь, – шепнула она.

– А концерт будет? – спросила Кату-Ату, не оборачиваясь – она шагала к ДКО, широко размахивая руками. – Мне сказали, Культсоветница – бывшая звезда оперы. Пускай споет. Когда меня принимали в столице, Иста в мою честь устроил концерт во Дворце Доброй Воли.

Неверика жала руку Варда чуть сильнее.

– Всенепременно, – улыбнулась она. – Я с радостью спою для нашей новой... – ее превала вибрация значков на груди Варда, Бурганова и Кату-Ату. Вард почувствовал, как жар окатил его спину. Что-то случилось – новое нападение, раз сигнал приняли Военсоветник и Напсоветница. И надо же было этому произойти именно сейчас, когда Вард всеми силами старается произвести благоприятное впечатление на новую управительницу! Еще не хватало, чтобы Кату-Ату решила, будто у него здесь рассадник врагов ДОСЛ.

– Просмотрим сообщение на ретрансляторе в моем кабинете, – быстро сказал Вард. – Небезопасно использовать ретранслятор на площади. Не будем нарушать спокойствие солдат.

– Спокойствие моих солдат крепче, чем ты думаешь, – бросил Бурганов, но все-таки взбежал к дверям Пирамиды вслед за Вардом. Они бросились по длинному коридору мимо типовых массивных дверей, украшенных символикой ДОСЛ и аляповатыми гербами добровольской Зинты; толстый фиолетовый ковер глушил их шаги. В Пирамиде – в отцовском дворце – всегда царили полумрак и прохлада, но сейчас лицо Варда пылало, и он ощущал, как сползает золотая тушь и одежда липнет к спине. Замок на двери отозвался на сигнал его значка, и Вард влетел в кабинет, не сбавляя шага.

Он запустил ретранслятор и только потом сел в свое кресло под гигантским портретом Вершины. Над ретранслятором дрогнули и поплыли, всё ускоряясь, разноцветные волны. Советники затаили дыхание. Бурганов оперся на рабочий стол Варда, буравя взглядом ретранслятор. Кату-Ату стояла рядом, скрестив руки на груди, покусывая нижнюю губу от предвкушения.

Наконец появилось изображение. Доброволец кричал что-то, пригибаясь к земле и затравленно оглядываясь. Ретранслятор воспроизвел его речь приятным для Варда голосом. Бархатный, чуть с ленцой, мужской голос до того не вязался со словами сообщения, что до Варда не сразу дошел их смысл: на гарнизон, стоящий в селении на границе одоброленных территорий, напали зинтаки. Вард видел, как летят стрелы и как позади воина-добровольца мелькают фигуры в черных одеждах, с гэмчекaми в руках – традиционным зинтакским оружием. Вдруг изображение мигнуло, погасло на несколько мгновений, а когда снова появилось, перед ретранслятором стоял уже не доброволец, а сухопарый длинноволосый зинтак в темно-синем берете, синем же шейном платке и шерстяной куртке, туго стянутой на талии широким шелковым кушаком. Твердые губы зинтака шевельнулись, и вкрадчивый голос в голове Варда произнес:

– Это не ваша земля. Дзиндаран – не ваши рабы. Мы – потомки шо’ду-мчэра Баджявирó – и нас не перековать!

Усаженный зинитными пластинами гэмчек обрушился перед ретранслятором – Вард поневоле отпрянул, – мелодичный звук возвестил о конце записи, и над ретранслятором появи-

лись полупрозрачные колосья и виноградные гроздья, окаймляющие объемную пирамиду. Вард посмотрел сквозь нее на советников.

– Что еще за *зинтаран*? – нарушила молчание Кату-Ату.

– Дзиндаран, – исправила ее Неверика. – Настоящее название здешнего народа. Добровольцы его исказили, а ведь как красиво звучит – дзинда...

Вард поспешно перебил ее:

– Это Тамраил Видризов, – объяснил он Кату-Ату. – Мчэр клана Видризан. Он пока не признал власть добровольцев. Нам известно, что его поддерживают по меньшей мере двадцать крупных зинтакских кланов.

– Знаю, Иста мне рассказывал, – свысока кивнула Кату-Ату. – Этот вождёк-бунтовщик – одноклассник твоего отца, так? Наверде как закадычный друг, – она уперла в Варда подозрительный взгляд.

Вард убрал руки под стол, чтобы Кату-Ату не заметила, что они дрожат.

– Они учились вместе в Молодых Защитниках, да, – сказал он. – Но Тамраила и моего отца всегда разделяла разница во взглядах. Их пути окончательно разошлись, когда отец объявил Зинту добровольской страной.

– И все-таки ты знаешь его в лицо, добруг Аджасов, – протянула Кату-Ату. Потом дернула головой, скрестила руки еще крепче и заявила: – Так и надо! Ты знаешь врага не понаслышке. Знаешь, на что он способен. Знаешь его слабости. Как мы теперь поступим, добруг Замвершина?

Бурганов бесцеремонно ответил за Варда:

– Бросить все силы против мятежников – вот как надо поступить, – он потыкал пальцами в ретранслятор, вызывая карту пограничных территорий. – Я сниму моих ребят с охраны зинитного завода и выступлю сегодня же. Форсированным маршем мы достигнем селения за декаду, не больше. Освободим местное население, выйдем видризовскую банду, схватим предводителей и осудим по справедливому добровольскому закону. Необходимо обезглавить мятеж как можно раньше, пока он не заразил всю Зинту.

– Правильный настрой, добруг Военсоветник! – похвалила Кату-Ату, явно впечатленная. – Но говорить вперед Замвершины – это не по-дружески. Иста Тлеканхокацль не просто так доверил добругу Аджасову этот ответственный пост. Ему как никому другому знать, что лучше для восстановления счастья в добровольской Зинте.

Варда смутило неподдельное уважение в голосе Кату-Ату. Что такое рассказывал ей Вершина, что Кату-Ату теперь смотрит на него как на героя ДОСЛ?

– Неосмотрительно снимать охрану с завода, – вмешался Промсоветник. – Мы не можем допустить нового теракта. Великая армия ДОСЛ ждет от нас новой поставки зинита к концу этого года. Кроме того, мы обещали утроить поставки за эти пять лет, и не можем себе позволить, чтобы работа завода опять встала.

– Тогда я ополовиню гарнизон Пирамиды, – нашелся Бурганов. – К чему здесь столько лишенцев? Замвершина теперь под охраной самой Кату-Ату, орденосицы, покорительницы Тулгуи, – ничто не изменилось ни в голосе, ни в выражении лица Бурганова, когда он произносил это, но Вард все равно почувствовал напряжение – быть может, свое собственное.

Кату-Ату старалась казаться невозмутимой, но Вард видел, что ей польстили слова Бурганова.

– Хочу искоренять врагов Доброй Воли, а не торчать в Пирамиде, – сказала она. – Но ты дело говоришь, добруг Военсоветник, главное – безопасность Замвершины. Иста это особенно подчеркнул.

Вард поправил значок у себя на груди – это обычно помогало ему вернуть самообладание.

– Я согласен с предложением добруга Бурганова, – проговорил он ровным голосом. – Пусть половина столичного гарнизона сегодня же отправляется на помощь добровольским вой-

скам на Лалачак. Если Тамраил намерен двигаться вглубь страны, ему придется перейти реку вброд. Следует позаботиться о том, чтобы этого не случилось. Я понимаю твоё желание расквитаться с мятежниками лично, добруг Бурганов, – Вард заставил себя поднять взгляд на потемневшее лицо Военсоветника. – Гибель воинов-добровольцев – невосполнимая утрата, и их жертва не будет забыта. Но после того, что произошло на зинитном заводе, будет неосмотрительно лишать столицу Военсоветника.

С каждым словом Варда Бурганов мрачнел всё больше.

– Лалачак?! А что насчет территорий за рекой, ты предлагаешь вот так, запросто, уступить их врагу?!

– Я не сомневаюсь, что твоим бойцам удастся выбить мятежников из селения. Но как долго они смогут его удерживать? Зинтаки редко вступают в открытый бой. Они отступают и вновь нападают, когда могут застать врасплох. Они знают эти места. Жители этих земель – их родственники, члены их кланов. Им известны горные тропы, тоннели, подземные источники. Им ничего не стоит изматывать и истреблять добровольцев до тех пор, пока не останется ни одного солдата. Как твои люди поймут, кто в селении – мирный овцевод, ткач, землелашец, а кто – мятежник? Впрочем, каждый может быть и тем, и другим одновременно. Если Тамраил вздумал забрать эти земли себе – увы, мы не сможем ничего предпринять, пока нам не пришлют больше направителей. И даже это не гарантирует победу. То, что Тамраил выбрал именно эти дни для нападения – дни после взрыва на заводе – мне кажется, не совпадение. Возможно, теракт на заводе – дело рук его людей...

– Такого совершенно не может быть! Тамраил никогда не стал бы убивать соплеменников! – возразила Неверика с неожиданной горячностью.

– Он враг доброй воли, такие не останавливаются ни перед чем, – сказала Кату-Ату. Она повернулась к Варду. – Так ты говоришь, нет никакой надежды истребить эту разбойничью банду?

Бурганов опять на позволил Варду раскрыть рта:

– Если мы нападём немедленно, нажмем со всей силы, мы можем уничтожить мятеж раз и навсегда. Нужно только лишить бунтовщиков их предводителей. Это не регулярная армия. Это разношерстный сброд, крестьяне и беднота, которым задурили головы их вожди. Стоит им лишиться зачинщиков – и они с радостью вернутся к труду на благо добровольской Зинты.

Вард прикрыл глаза, глубоко вздохнул.

– Пусть так, – кивнул он. – Но спроси себя, почему добровольцам не удалось продвигаться выше в горы? Почему эти территории по-прежнему живут по старым, отсталым порядкам? Еще при моем отце твой предшественник, добруга Кату-Ату, предпринимал попытки присоединить горные территории к добровольской Зинте, вновь сделать Зинту целой. Рассказал ли тебе Вершина, сколько добровольцев лежат в пропастях, погребены под обвалами, утоплены в горных озерах или нашли свою смерть в зинтакских ловушках?

– Послушать тебя, так эти горные дикари – неуловимые сверхсолдаты, – вспыхнул Бурганов.

– Да, очень невеселый настрой у тебя, добруг Замвершина, – я бы даже сказала, *недобровольский*, – поддержала его Кату-Ату.

Вард обмер от этой скрытой угрозы. Собравшись с духом, он сказал Бурганову – резче, чем хотел:

– Я настаиваю, добруг Военсоветник, не рисковать жизнями наших солдат в беспечной погоне за мятежными мчэрами. Это не приведет ни к чему, кроме новых потерь. Половина столичного гарнизона присоединится к бойцам-добровольцам на реке Лалачак. Это приказ, – Вард произнес последнюю фразу – и тут же пожалел о ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.